

Командировка

В сентябре Алексея послали на две недели в совхоз. Дело это было обычным: в Стране шла битва за урожай, необходима помощь города селу и так далее. Но Алексею на конец года поставили защиту, и надо было работать, подчищать, править текст, а его — в совхоз. И вот, попрощавшись с женой и пятилетним сыном, расстроенный Алексей отправился институтским автобусом в какой-то медвежий угол, километров за двести от города. В этом совхозе Алексею уже приходилось бывать, и в общем-то он ему нравился.

Немногочисленные деревенские постройки очень вольно расположились на небольшом возвышении, строго не обозначив даже главной улицы. Внизу тихо звенела речушка, а поодаль виднелся редковатый, неброский лес. Старые деревянные дома располагались в основном внизу, около речушки, а новые стояли поближе к центру. Эти последние строились по одному проекту и выглядели все одинаково: побеленные прямоугольные коробки под серой шиферной крышей и с участком, огороженным штакетником. Просто и дешево. Жизнь в деревне протекала спокойно, без гульбы, шума, звона.

Алексея вместе с несколькими такими же, как он, командированными из разных институтов Научного центра, поселили в пустой комнате унылого одноэтажного здания, где располагалась вся совхозная администрация: правление, бухгалтерия, столовая и что-то еще. Алексей с дороги устал, да и события последних дней все еще толклись в голове, так что в тот день он не особенно вникал, где, что, с кем. Поселили и ладно. А на следующее утро агроном повел Алексея на ток, где ему предстояло работать. Агроном был еще совсем мальчишкой, год назад окончившим сельхозинститут. Невысокого роста, щуплый, в очках и с лохматой головой, он еще только утверждался и в жизни, и на работе, и вид имел неуверенный и суетливый. На току стайка студентов, человек шесть, заканчивала смену. Это была их последняя смена и сегодня они уезжали домой. Они с шумом и криками толкали грохочущую веялку, надвигая ее на большую кучу пшеницы, и размахивали широкими деревянными лопатами. Агроном кратенько рассказал Алексею, что ему делать, пообещал прислать помощь и ушел. Ушли и студенты, выключив веялку. Алексей остался один.

Ток представлял собой ровную асфальтированную площадку, на которой

кучи привезенной с поля пшеницы лежали плотно, одна к одной, образуя правильный ряд длиной метров в двадцать-тридцать. Эту пшеницу и предстояло очистить, пропустив через веялку. Кроме веялки, на току еще имелся электрокар с ковшом впереди для перемещения зерна, транспортер-погрузчик, несколько фанерных лопат, метла и ломик. Алексей нашел у забора какую-то доску, подсунул ее под раму веялки и действуя ломиком, как рычагом, начал надвигать веялку на кучу. Веялка, тяжелая и высокая, стояла, однако, на маленьких металлических колесах, и усилий Алексея оказалось достаточно, чтобы сдвинуть всю конструкцию с места. Потолкав ее с разных сторон, Алексей установил веялку в нужное положение и включил рубильник. Веялка загрохотала. Вся сложная внутренность ее пришла в движение, сита в несколько рядов заходили взад-вперед навстречу друг другу, узкая транспортерная лента, стелющаяся по земле впереди веялки и поперек ее, своими захватами загребала зерно и вываливала куда-то в середину агрегата. Дальше зерно проходило сложный путь, то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз по многочисленным ситам, где вынуждено было прокатиться и потрястись на каждом из них, и снова поднимаясь вверх. Наконец, зерно, уже очищенное, ссыпалось вновь на площадку тока, но уже позади веялки. Алексей взял лопату и стал подгребать с боков зерно, не попадающее на транспортер, время от времени подталкивая веялку вперед. Работа ему нравилась, и он спокойно и неумолимо расхаживал вокруг трясущейся и грохочущей веялки, следя за тем, чтобы процесс не прерывался и не замедлялся. Отсутствие кого-либо рядом совсем не беспокоило его. Скорее наоборот, оно его устраивало: некому было давать советы или делать замечания, никто не раздражал его неуместными действиями. Ближе к обеду на току появились две местные пожилые женщины. Они взяли метлы и стали копошиться в углу тока, вдалеке от Алексея, непрерывно болтая между собой. Поработав с полчаса, они заявили, что им нужно идти кормить внуков и исчезли. Больше Алексей их не видел, ни в тот день, ни позже.

Алексей тоже проголодался и, выключив веялку, пошел в столовую. Кормили в столовой недорого и сытно. Приготовлено все без затей, но вкусно, из свежих деревенских продуктов. На порции не скупилась. Так что, Алексей, плотно и с удовольствием поев, понял, что с этой стороны проблем не будет, и вернулся на ток.

На току по-прежнему никого не было и Алексей, запустив веялку, в привычном уже ритме, практически не останавливаясь, проработал до самого вечера. К концу дня он немножко устал, но это была приятная усталость здорового молодого организма, которому нормальная физическая работа выпадает редко. Возвращался же в общежитие с некоторым беспокойством. Дома хорошо выспаться ему удавалось редко: в голове постоянно крутились

какие-то проблемы, заботы. И он боялся, что здесь окажется еще хуже: незнакомая компания, могут галдеть допоздна, комната, наверное, не проветривается. Но ребята оказались веселыми и не глупыми, весело поболтали о современной хипповой музыке, и Алексей, хоть и не был ее поклонником и темой в деталях не владел, слушал с удовольствием и незаметно уснул.

Проспал он глубоким, младенческим сном до самого утра. Открыв глаза, почувствовал приятную ломоту во всем теле. Вскочил, сбегал на речку умыться, позавтракал в столовой и отправился на ток. На току произошли небольшие изменения: пшеницу, переработанную за вчерашний день, увезли, зато с поля привезли новую. То есть ночью деятельность на току не прекращалась. Алексей это мысленно одобрил и принялся за работу.

Стояла сухая, теплая осень. Воздух чист и наполнен слабым ароматом свежей пшеницы. С территории тока, занимавшего самую высокую точку села, в прозрачном, чуть колышущемся воздухе, далеко просматривалась окрестность. Лиственный лес, раскрашенный в неяркие желто-багрово-зеленые тона, уходил в горизонт, постепенно превращаясь в сплошную серую полосу. В короткие паузы, когда веялка выключалась, наступала редкая, почти невозможная в городе, тишина. Алексей останавливался посреди тока с лопатой в руках и чутко прислушивался к таинственным шорохам, потрескиваниям, к слабым звукам, доносившимся из деревни.

Потянулись дни, похожие один на другой. Каждый день Алексей работал как бы в беспамятстве, ни о чем не задумываясь и не задавая вопросов. И каждый день был ему в радость. Ему нравилось работать с зерном: оно было сухим, чистым, теплым; его можно было взять в ладонь, растереть, даже положить в рот и разжевать. Да и все остальное как-то удачно сошлось в эти дни: погода, полная независимость от всех и, наконец, все, что нужно было делать на току, он мог и делал самостоятельно, без чьей-то помощи. Целый день он был в движении: толкал грохочущую веялку, подгребал пшеницу, подметал площадку, убирал накопившийся мусор, разъезжал на электрокаре, подправляя линейку зерна. Иногда приходили грузовики, чтобы забрать очищенную пшеницу. Тогда Алексей подкатывал свой транспортер-погрузчик и загружал их. Пару раз забежал агроном, и, пряча глаза, сбивчиво что-то бормотал про горячую пору, нехватку людей и прочую ерунду. Алексей только улыбался. Невдалеке от тока в отдельном корпусе стояла сушилка — большая и сложная конструкция с внушительными вращающимися барабанами. На ней работали несколько человек. Однажды сушилка загорелась. Алексей бегал помогать тушить ее. Потушили, но что-то внутри сушилки успело сгореть.

В эти дни Алексей был полностью отрезан от всякой внешней информации. Ничто не тревожило его сознания, ничто не вызывало напряжения

душевных сил. По вечерам, перед сном, он с интересом слушал то, что обсуждают соседи по комнате, иногда и сам вступая в разговор. Обычно спор возникал вокруг какой-нибудь книжки, фильма или популярного исполнителя. Ребята спорили азартно, но колкостей избегали.

Две недели Алексей в одиночку «держал» ток, не допуская срыва в его работе. Ему, молодому и выносливому, это оказалось по силам. В последний рабочий день в бухгалтерии сделали расчет и начислили Алексею 40 рублей заработка. Алексей немножко удивился, но спорить не стал. Встретившийся по дороге агроном с виноватым видом начал рассказывать Алексею о том, как он ругался в бухгалтерии, доказывал им, что Алексей работал один за целую бригаду и нужно заплатить больше, но у бухгалтерии были свои резоны и лимиты, не позволявшие ей перейти за обозначенную сумму. А еще агроном был в растерянности, не зная, кого теперь послать на ток. Алексею стало жалко парня, но помочь ему он ничем не мог. Собрав сумку, Алексей сел в автобус. По дороге он вдруг подумал, что провел лучшие две недели в своей жизни.